

Прекрасное золотое лето. Влюбленная молодая Элизабет. И шокирующий секрет, который она будет хранить десятилетиями...

1958 год. Элизабет отправили из ее лондонского дома в красивый город Хартленд в Сассексе. Прекрасная и невинная девушка готова влюбиться, но ее мечты наивны и тем опасны...

Спустя годы дочь Элизабет, Эдди, узнает, что у нее есть сестра-близнец. Но Эдди в это не верит, пока ее любимый отец не признается: все, что ей рассказывали о детстве, — ложь. Эдди и ее сестра Фиби открывают необычайную правду о том, как началась их жизнь и почему их разлучили...

Невероятная, острая и поразительная история о любви и молодости, об ошибках и последствиях.

Если бы неделю назад кто-то сказал мне, что это случится через два дня после годовщины гибели моей матери, что я буду стоять на стуле рядом со шкафом в ее кабинете и вытаскивать ее блокноты и папки, передавая их Эндрю, что в десять часов вечера я буду перетряхивать ее книги, пролистывать их, что я буду читать ее письма, списки, записки, что я буду тщательно обыскивать ее кабинет, в который не заходила уже много лет, — я ответила бы, что этот кто-то сошел с ума. Я рассмеялась бы ему в лицо.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3878-7

9 786171 238787

Никола Скотт

Секрет моей матери

Никола Скотт

Секрет моей матери

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Nikola Scott

*My
Mother's
Shadow*

A NOVEL

Никола Скотт

Секрет
моей
матери

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С44

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:

Scott N. My Mother's Shadow : A Novel / Nikola Scott. — London : Headline Review, 2017. — 368 p.

Перевод с английского *Екатерины Бучиной*

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-3878-7
ISBN 978-1-4722-4297-6 (англ.)

- © Nikola Scott, 2017
- © Shutterstock.com: iofoto, Charlie Blacker, Bauer Alexander, обложка, 2017
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Полу

1958 год

Многое повидал этот дом, много секретов слышал, произнесенных шепотом в ночи, прилетевших с ветром, кружившимся вокруг дымоходов и покрытых шифером крыш, у двустворчатых окон и над усыпанными белым гравием дорожками, вьющимися среди роз, рододендронов и деревьев в старом хартлендском саду. Встреча с любовью и разлука, боль неожиданной смерти и сладость запретных свиданий, слезы и смех летними ночами, то, о чем мечталось, то, что было сказано, — все хранил этот дом, не задавая вопросов, не осуждая, скрывая в тени своих стен.

И теперь жизнь в Хартленде полна воспоминаний. Война и смерть, которую она с собой принесла, — все это свежо и будто было совсем недавно. В конце концов, не так уж давно Англия оставила позади мрачные годы (продуктовые карточки, разрушенные бомбами дома) и, прищурившись, стала смотреть на внезапно появившиеся предметы роскоши, пробовать сладости в кондитерских магазинах, слушать доносящуюся отовсюду музыку. Сейчас будущее светло, поэтому неудивительно, что она черпает жизнь полными горстями — молодежь 1958 года, которой вскружило голову проведенное за городом лето, так много обещавшее.

Или, быть может, это луна сегодня вечером кружит головы, луна, которая, словно прибитая гвоздями, висит в небе над крышами конюшен, искрясь странным оранжевым светом? Достаточно посмотреть на нее, достаточно ощутить, как пузырьки шампанского щекочат нёбо, вдохнуть пьянящий аромат, доносящийся из розария,

чтобы почувствовать, как сосет под ложечкой. Безрасудство нашептывает о бесконечных возможностях, обещает целый мир. Повсюду висят фонари; они раскачиваются на вечернем ветру и мигают, похожие на разноцветных светлячков. Откуда-то доносится негромкая мелодия «Magic moments»; парочки раскачиваются в такт музыке или смеются, прислонясь к низенькой ограде террасы, курят, пьют коктейли и лимонад, чтобы остудить покрасневшие щеки.

Одна из девушек, которую наняли помогать сегодня вечером, останавливается, чтобы понаблюдать за происходящим. Она наполняет доверху кувшины лимонадом и чаши пуншем, расставляет тарелки с пышными квадратными булочками, восхищаясь молодыми людьми и юными леди, которые считают, будто этот мир создан исключительно для того, чтобы праздновать семнадцатый день рождения своей подруги, чтобы радоваться тому, что она переступила порог взросления.

Среди гостей не хватает двоих, мужчины и девушки: они тайком покинули террасу, прошли мимо забытого крокетного молотка, брошенного среди рододендронов, по садовым тропинкам, вьющимся между деревьями. Парочка прикрывает руками рты, чтобы сдержать смех или нечаянный вскрик, когда ветка вдруг хлестнет по босым ногам. Девушка — семнадцатилетняя именинница, которая за свою короткую жизнь уже не раз на собственном опыте убедилась, что такое разбитое сердце, и которой еще предстоит пережить много горя. Но сегодня она отогнала прочь страхи и волнения. В глубине души эта девушка знает, что жизнь никогда не будет такой запретно-сладкой и такой восхитительно новой, как в эту летнюю ночь. Поэтому да, она тоже зачерпывает жизнь полными пригоршнями, и кто бы стал винить ее в том, что она держит за руку мужчину, который столько дней дарил ей ленивые, мечтательные улыбки (на его ресницах

при этом сверкали капельки морской воды) — широкие и невинные улыбки, в то время как остальные просто смотрели на нее, — а также загадочные многообещающие взгляды, когда ненадолго оставался с ней наедине в хартлендском розарии. Сегодня вечером девушка не видит в его глазах улыбки. Он так близко, что она чувствует тепло его кожи, и его запах смешивается с ароматом недавно скошенной травы и более тяжелыми, загадочными запахами ночного сада, который не хочет, чтобы его тревожили, даже если речь идет о первой любви. Здесь, среди фруктовых деревьев, воздух прохладнее, и девушка невольно вздрагивает. Мужчина обвивает ее стан рукой, привлекает к себе, другой рукой приподнимает ее подбородок, и в этот миг жизнь кажется ей идеальной.

Но — и дом знает об этом — беда уже витает в воздухе, и золотой фасад этого идеального лета, мерцание безрассудной, благоухающей ночи вот-вот померкнут. Дом всегда надежно хранил секреты, поэтому и сейчас не станет рассказывать о том, что задумала жизнь. Вместо этого он вбирает в себя мимолетное воспоминание о первой любви, чтобы сберечь его на веки вечные.

Глава первая

Странная штука смерть. Не то чтобы *забавно* странная, как вы понимаете, да и вообще не забавная, но удивительная — это да. Ей следовало бы возвещать о своем приходе громким стуком, предвестником неотвратимости; вместо этого она подкрадывается, словно вор, поджидая, когда же наша нога ступит на ложный путь или непослушная клетка нашего тела внезапно решит начать разрушительное размножение. Смерть наблюдает, выжидая благоприятный момент, чтобы нанести удар, и когда это происходит, меняется абсолютно все.

Принимая во внимание панический страх смерти, я почти ничего не помню о том дне, когда мою мать сбил грузовик. В моей памяти остались маленькие разрозненные фрагменты, например, абсурдное количество стекла на Говер-стрит и выражение на худощавом лице отца, когда мы ждали такси, которое должно было отвезти нас в морг. Помню, как моя сестра Венетия спорила с полисменом, по всей видимости, допустившим ошибку. *Неужели люди перестали выполнять свою работу как следует?*

Единственное, что я отчетливо запомнила, — это момент, когда мне сообщили о трагедии. Я стояла перед холодильником на маслобойне, держа в руках шестьдесят пять яиц для безе. Слезы, которые я могла бы пролить, исчезли; мои глаза необъяснимым образом оставались сухими. Так продолжалось несколько недель, наполненных отчетами коронера, любимыми мамиными розами сорта «Графиня», лежащими на ее гробе, визитами к отцу, чтобы проверить, встал ли он утром в большом и на-

всегда опустевшем доме на Роуз-Хилл-роуд. Все это время я не плакала.

Дело в том, то некоторые люди почти не плачут, поэтому сами по себе слезы — это, пожалуй, неверное средство измерения чьей бы то ни было способности горевать, однако я никогда не принадлежала к числу таких людей. Напротив, я очень часто плакала; это было то немногое, в чем я преуспела. В детстве я рыдала с такой готовностью, что мама утверждала, будто мое тело полностью состоит из соленой воды. «Ты моя личная юдоль скорби», — говорила она. Я плакала, когда у меня выпадали молочные зубы, и из-за белого налета на миндалинах; я боялась, что кто-то притаился в моем шкафу, под кроватью или на дне бассейна. Я заботилась о бродячих кошках, подбирала птенцов, выпавших из гнезда, и целыми днями возилась с ними.

«Бога ради, Эдди, — говорила мама и, нетерпеливо вздрагивая, подсовывала мне салфетку, когда мои глаза расширялись и начинали подозрительно блестеть, а горло пыталось проглотить всхлипы, такие слабые и бесполезные, ведь нужно быть сильной, расправить плечи, справиться с ситуацией. — Соберись, милая. Посмотри на Венецию. Она на четыре года младше тебя, но никогда не плачет». Наверное, я была невыносимым ребенком: слишком часто заставляла маму морщиться, дергать щекой и сжимать губы так крепко, что они превращались в тонкие белые складочки, и поэтому, чувствуя приближение слез, я стала прятаться, обычно в туалете на первом этаже, где всегда было тепло и пахло лавандовым освежителем воздуха, принесенным миссис Бакстер. Многие годы спустя я купила собственную квартиру, и одним из ее многочисленных преимуществ было отсутствие туалета на первом этаже.

И теперь, когда моя старая немезида, моя личная юдоль скорби наконец могла бы показать себя во всей

красе, по странной прихоти судьбы я не могла разрыдаться. Все, на что я была способна, — это сдавленные всхлипы и конвульсивное сглатывание в попытках избавиться от странного кома в горле, который, казалось, застрял навсегда, словно маленький толстый тролль. Дело не в том, что я не сожалела о маминой смерти. Конечно, сожалела. Кто же в этом бренном мире не станет горевать о матери, когда она умрет? Но чем больше скорбела Венетия (как и положено золотому ребенку, худея и становясь похожей на тень), тем более сдержанной выглядела я. Это всерьез тревожило меня, пока я не поняла, что случилось именно то, чего хотела мама: я стала сильной и расправила плечи. Может быть, мои глаза оставались сухими потому, что в глубине моей души укоренилось сорок лет возвращаемое матерью хладнокровие? Может быть, маленькая девочка, которая жила во мне, радовалась тому, что в могиле ее мама наконец-то будет довольна?

* * *

Венетия, которая ожидала, что я проявлю должное почтение к покойной, была разочарована. Моя сестра была беременна и опасно капризна. Она медленно вплывала и выплывала из дома на Роуз-Хилл-роуд с гомеопатическими настойками, купленным в магазине куриным супом и кучей бесполезных советов. Я старалась держаться от нее подальше, в то время как она все время была на виду и постоянно советовалась с поддерживавшим ее психологом.

Наш отец притаился в боковом крыле дома. Недели через две после похорон он слег — просто перестал вставать с постели. На четвертый день дверь его спальни по-прежнему оставалась закрытой, и мы с братом Джасом отвезли отца в больницу, откуда он вышел через неделю — пугающе спокойный. Испытывая некоторое об-

легчение, мои брат и сестра вернулись к собственному горю, карьере и ожиданию пополнения в семействе, а я осталась с отцом. Его взгляд огорчал меня. Я не могла поверить, что это тот самый человек, который учил меня играть в шахматы, когда мне было десять лет, который, помогая мне с рефератом по истории, при помощи степлера, двух карандашей и точилки показывал, как высаживались союзники, и который всегда готов был взять в руки фонарик, чтобы внимательно изучить белый налет на моих миндалинах. *Это не опухоль, Адель, я уверен. Это бактерии борются с твоим иммунитетом и... открой рот пошире, чуть-чуть шире... да, думаю, твои антитела побеждают. Вот, возьми мятную конфету, может быть, она поможет.*

И теперь, значительно чаще, чем прежде, мы с отцом вежливо рассказывали друг другу, как прошел день, пили чай и смотрели на постепенно увядающий сад моей матери. Шахматная доска, наверно, уже и забыла, когда ее извлекали на свет. Иногда я с трудом сдерживалась, чтобы не ушипнуть отца как можно сильнее, просто чтобы удостовериться, что он не умер и действительно продолжает вставать по утрам, ходить на работу и возвращаться домой, пить чай (чашки с холодными остатками этого напитка стояли по всему дому, до тех пор пока их не убирала миссис Бакстер, приходившая четыре раза в неделю по утрам). И все же я надеялась, что однажды он будет ждать меня, держа в руках две чашки чая, горячего, обжигающего горло, как любим мы оба, и его лицо морщится в улыбке. *Эдди! А вот и ты. Как ты смотришь на то, чтобы сыграть в шахматы со стариком-отцом?* И я продолжала приходить к нему после работы, пересекая Северный Лондон, сначала в удивительно яркие летние сумерки, затем осенними вечерами и наконец холодными зимними ночами, которые постепенно сменились красивой лондонской весной.

И спустя двенадцать месяцев со дня смерти матери, когда деревья в Хэмпстедской пустоши шумели зеленой листвой, а тень от маленького супермаркета возле станции метро стала длиннее, я завернула за угол, направляясь к родительскому дому...

Задолго до того, как Венетия вознамерилась отметить ДЕНЬ МАМИНОЙ СМЕРТИ, я начала бояться его приближения. Однако на календаре, висевшем в кухне кондитерской, на дате 15 мая было большое красное пятно. Думаю, это был малиновый соус. Пятно словно увеличивалось всякий раз, когда я на него смотрела, отрывая взгляд от праздничного торта (испеченного в честь дня рождения миссис Сондерс и насчитывавшего семьдесят пять бледных розочек из помадки) и подавляя глотательные движения, поднимавшиеся по пищеводу, подобно медлительным пузырькам на поверхности пруда.

Венетии захотелось собрать всех родных и близких — Джаса и миссис Бакстер, дядю Фреда и кучу других живущих неподалеку родственников, дабы «утешиться в обществе друг друга» и «провести этот день в узком семейном кругу», что, если верить словам ее психолога, должно было стать важным шагом на пути к пятому этапу в «периоде горечи от утраты». С моей точки зрения, это предположение было чересчур оптимистичным, поскольку наш отец едва миновал стадию отрицания, и я, несмотря на то что обычно безропотно подчинялась ходу событий, особенно когда Венетия была уверена в результате, на сей раз попыталась возразить. Совсем не так я хотела провести этот день и была уверена, что отец тоже этого не хочет. Венетия отвергла мои возражения, заставив поменяться с ней ролями, заказала непристойно огромную коробку пирожных в кондитерской и проследила, чтобы я вышла вовремя и привезла их в дом на Роуз-Хилл-роуд.

И вот я на месте. Дверь, как обычно, тихо скрипнула, когда я вошла в переднюю. Я невольно задержала дыхание. Но внутри было тихо, в углу прихожей, как обычно, тикали дедушкины часы, и пахло так же, как всегда, — книгами и пылью, а еще лавандовым освежителем воздуха, принесенным миссис Бакстер, даже несмотря на то, что именно в этот день год назад умерла моя мама. Справа на старинной вешалке висели куртки, на каменные плиты пола стекала вода с нескольких зонтов — все говорило о том, что родственники собрались совсем недавно.

Я бесшумно прокралась через холл, поглядывая на свет, падавший сквозь стеклянную дверь кухни. До моего слуха донеслось приглушенное бормотание, затем смех, сменившийся осторожным кашлем. Это был дядя Фред, брат моего отца, живший в Кембридже вместе с тремя собаками и коллекцией ржавых автомобилей, которые он постоянно чинил. Я наострила уши, надеясь услышать низкий, чуть хрипловатый голос отца, однако его было не разобрать за негромким гулом общего разговора. В последнее время отец работал больше, чем обычно, и, похоже, изжога мучила его сильнее. Я надеялась, что вчера он, как и было запланировано, посетил доктора. Вот кто-то снова что-то пробормотал, наверное, Джас, который по просьбе Венетии пришел прямо из больницы.

Я представила, как все они расселись вокруг кухонного стола. Психолог Венетии посоветовал оставить маминно место незанятым — в знак уважения к ней. Я ненавидела этого психолога, бледного как мертвец человека по имени Хэмиш Макгри, ненавидела саму мысль о нарочно незанятой стуле, с изогнутыми подлокотниками, прямой спинкой и затейливым узором на подушке, которую мама подкладывала под чехол, чтобы уменьшить боль в спине. Я пыталась вспомнить, когда последний

раз видела, как она сидит на этом стуле и смотрит в сад, повторяя в уме список нужных дел или с хмурым видом пробегая взглядом газетные заголовки, но у меня ничего не вышло. Лицо мамы оставалось расплывчатым, и мне удавалось увидеть лишь отдельные фрагменты: ее руки с длинными, слегка заостренными на концах пальцами, такими же как у меня, и пряди волос, падавшие на лоб, когда она наклонялась, чтобы подуть на кофе, который любила пить чуть теплым, с большим количеством молока. Так было весь год. Когда окружавшие меня люди вдруг заводили речь о забавных моментах, разговорах и вечерах, проведенных вместе с ней, я продолжала напряженно вспоминать ее лицо, то, как она красила губы по утрам, складочку возле ее рта, когда мама начинала терять терпение, ее плечи холодной ночью, когда она пыталась найти свой шарф. Мелкие осколки, словно капли дождя, барабанили по моей памяти, дожидаясь, когда я сложу их вместе, а моя способность помнить маму была там же, где и мои слезы, — в высохшем русле реки непрорвавшейся печали. Воспоминания пролетали, словно перекати-поле, ни за что не зацепляясь, обрывочные и лишь изредка приятные.

Снова послышался сдавленный смех, сменившийся осторожным кашлем, и в этот миг я поняла, что ни в коем случае не спущусь по этим ступенькам, не подойду к этому пустому стулу и не воскрешу в памяти размытое мамино лицо. Со стуком уронив коробку с пирожными на столик в холле, я вдруг подхватила мокрую куртку и сумку и вбежала в дверь, расположенную справа. Я ударилась о стену и на долгий миг замерла. Я стояла, вдыхая прохладную темноту, прильнувшую к моим глазам после долгого всматривания в малиновое пятно на клеточке «15 мая». Тиканье дедушкиных часов здесь слышалось более отчетливо, потому что они стояли у стены. Этот звук, похожий на дыхание, действовал на меня успокаивающе,

и я наконец открыла глаза, подавляя приступ страха. Венетия ужасно разозлится.

Мамин кабинет... Я не была здесь очень давно, с тех самых пор, как мы с Венетией искали в столе адресную книгу, чтобы сделать карточки с извещением о смерти. Мы восхищались буквально всем подряд. Время от времени миссис Бакстер предлагала нам устроить тут уборку, однако Венетия всякий раз решительно отметала эту идею, поэтому комната осталась такой же, как в то утро, когда моя мать в последний раз вышла отсюда, чтобы провести популярный семинар «Поиск творческой реализации женщин-писателей». Книги и папки были аккуратно разложены по полочкам. Стикеры, ручки, стоявшие в старой кружке, слишком красивой, чтобы ее выбросить, — все это словно ждало маму, которая держала карандаши остро заточенными, чтобы воспользоваться ими в любой момент. Здесь был ее телефон — старый, горчичного цвета, с диском, — бюро с выдвижной крышкой, прислоненное к стене, с ящиками и ящичками, с безделушками, которые мы дарили ей на Рождество и день рождения, потому что знали: она любит, когда все аккуратно разложено по местам.

Мама проводила тут каждый вечер, и мы видели в приоткрытую дверь, как она читает конспекты лекций, студенческие сочинения или, чаще всего, газеты. Она изучала их с почти религиозным рвением, каждый вечер, даже если мы без сна лежали в кровати с ветрянкой или допоздна бродили по городу. Иногда, глядя на то, как мама разложила газету, закрыв ею весь стол, я хотела, чтобы она посмотрела на меня, уделила мне хотя бы половину того сосредоточенного внимания, которое она отдавала маленьким объявлениям и некрологам, сообщениям о взломщиках, доставленных в полицейские участки Лидса. Но отношения у нас были сложные. В основном

в этом была виновата я из-за своей чрезмерной чувствительности. Я боялась сесть за руль и сутулилась. Моя мама была не слишком эмоциональной, не была слабой. Она была похожа на твердый драгоценный камень, и как бы мы обе ни старались, моя мягкая, отчаянно пытавшаяся угодить ей сущность и ее блистательный характер могли лишь болезненно тереться друг о друга. Это было все равно что гладить кошку против шерсти, все равно что лить в творожистую гущу золотистый ванильный крем. Вот такие у нас с мамой были отношения.

Не знаю, сколько я простояла там, на пороге ее кабинета, вдыхая слабый аромат книг и уверенности, которую источала моя мать. В ожидании слез я пыталась вызвать хотя бы одно крохотное приятное воспоминание о ней, потому что именно сегодня я должна была вспомнить ее лицо.

Было ясно: что-то должно произойти, и так оно и вышло. Зазвонил телефон.

Глава вторая

В мрачном кабинете этот звук показался мне таким же странным, как гудение сирены под водой. На секунду я замерла. Однако вскоре он зазвонил снова, и, услышав эхо на параллельном аппарате в холле, я метнулась к столу и схватила трубку.

— Да? — прошептала я, нервно оглядываясь на дверь.

Мне очень не хотелось, чтобы меня обнаружили в темном мамином кабинете, в то время как я должна была скорбеть вместе с остальными в кухне.

— Миссис Харингтон?

Крепко прижимая трубку к уху, я слушала голос на другом конце провода, и мне казалось, что он входит в левое полушарие моего мозга. Сдержав крик, я вздрогнула.

— Миссис Харингтон, вы меня слышите? — раздалось в телефоне.

Говорил мужчина. Голос у него был низким и грубым. Я невольно открыла рот, хотя миссис Харингтон... Что ж, ее здесь не было.

— Извините, что вам угодно? — нерешительно произнесла я в трубку, поглядывая на дверь и прочищая горло.

— Я знаю, что вы не любите, когда вам звонят на этот номер, — произнес голос на том конце провода, — но вы несколько недель не отвечали по мобильному телефону. Скажите, он отключен? Долгое время не было никаких вестей, поэтому я не связывался с вами относительно вашего запроса. Однако неожиданно-негаданно я получил довольно интересное письмо, которое мне хотелось бы

вам передать, и поскольку вы просили меня ничего не предпринимать, предварительно не предупредив вас...

Миссис Харингтон больше нет. Скажи ему об этом, Эдди!

— Письмо? — спросила я у незнакомца, звонившего моей умершей матери.

— Я не совсем уверен... Это снова может оказаться тупиком, однако... — Он умолк на мгновение, и я мысленно потянулась к его голосу. — Боюсь, связь не очень хорошая, поэтому прошу извинить меня за краткость, однако письмо вы вскоре получите. Как бы там ни было, четырнадцатого февраля, — в трубке послышался треск, — кажется, произошло...

Четырнадцатого февраля? Я нахмурилась и открыла рот, чтобы задать очевидный вопрос, но тут предательски скрипнула кухонная дверь, а затем... кто-то зашагал по ступенькам.

— Извините, — прошептала я в трубку. — Мне пора. Извините. Я вам перезвоню, — на всякий случай добавила я.

И только повесив трубку, я осознала, что вообще-то не знаю ни имени, ни номера телефона этого человека. И понятия не имею, о чем шла речь. Неужели он действительно сказал «четырнадцатого февраля»? Это странно, потому что... Что он может знать о четырнадцатом февраля? И, раз уж на то пошло, кто он такой? Я нахмурилась, глядя на телефон и на время забывая об отсутствии слез и огромном коме в горле. Нужно будет спросить у миссис Бакстер. Может быть, она ответит на мои вопросы.

Голоса в передней. Шарканье тувель по плитам, стук каблуков в направлении туалета, скрип закрывающейся входной двери.

— Что ж, до встречи, — донесся сквозь стену голос Джаса. — Дядя Фред, хочешь, я подвезу тебя на станцию? Мне еще нужно забежать в больницу.

— Понятия не имею, где Эдди. Она *говорила*, что придет, — голос Венеции был немного хрипловатым и казался едким, и я сжалась от страха в своем укрытии, все еще держа в руке телефон горчичного цвета и чувствуя неотвратимое приближение момента, когда сестра меня обнаружит.

Кто-то еще прошелся взад-вперед, и наконец наступила тишина. Я напряженно прислушивалась. Возможно, Венеция тоже ушла, предоставив кому-то другому убирать на кухне, и я смогу покинуть укрытие, найти коробку с пирожными и поговорить с миссис Бакстер и отцом. Сегодня у нас в кондитерской были *бисквитные рулеты*, и я принесла пять самых пышных, с ароматом ванили, усыпанных терпкими рубиновыми ягодами малины. Я положила их в коробку. В конце долгого утомительного дня нет ничего лучше, чем золотистый улун миссис Бакстер и кусочек *бисквитного рулета* с кремом.

Моя черная сумка «Whistles» стояла на полу, а куртка, которую я уронила на маленькое кресло, когда зазвонил телефон, соскользнула на пол. По ковру рассыпалось несколько монет — маленькие островки беспорядка в кристально чистой комнате. Я поспешно опустилась на колени, чтобы собрать их, и уже намеревалась встать, как вдруг заметила под столом какой-то предмет. Это была сумочка моей мамы.

Некоторое время я смотрела на нее, а затем, боясь передумать, протянула руку и вытащила ее оттуда. Цвета графита, элегантно-прочная винтажная сумка «Hermès»; что ж, она была бы винтажной, даже если бы мама не приобрела ее в начале семидесятых. Она купила ее на свою первую премию, полученную за труд о современниках Джейн Остин, которые, по всей видимости, были гораздо более успешными, чем известная писательница, однако о них успели основательно забыть. Я провела пальцами по неровной кожаной поверхности. Я понятия не имела, почему эта сумка стоит здесь, однако, с другой

стороны, где же ей еще быть? Мой отец до сих пор спал на правой стороне кровати. Рядом с ним по-прежнему лежали мамины подушка и одеяло, а под лампой — ее открытая книга. Венетия, несмотря на прохладное отношение к жизни вообще и ко множеству моих недостатков в частности, боготворила маму с таким обожанием, что, пожалуй, могла бы обернуть ее кабинет липкой пленкой, чтобы сохранить его для истории, поэтому на ведре по-прежнему висели мамины садовые перчатки, навеки принявшие форму ее рук, а под раковиной в ванной на втором этаже лежала книга «Расцвет мисс Джин Броди»¹, набухшая от влаги; мы оставили мамино пальто на вешалке в прихожей, ее шампунь в душе... Следовало бы написать мистеру Хэмишу Макгри гневное письмо.

Я поставила сумочку на стол. Если мы когда-нибудь решим разобрать мамины вещи, сумку «Hermès» наверняка заберет себе Венетия. Они с мамой разделяли любовь к простому элегантному шику; им обоим нравилось быть красивыми и обладать всеми этими чудесными мелочами, благодаря которым день становится ярче. Венетия знала, *что* подарить маме на день рождения, и той всегда нравились презенты младшей дочери. Наблюдая за тем, как мать разворачивает тщательно продуманный подарок отца и стильную коробку от моей сестры, я прилагала максимум усилий, чтобы не спрятать свой собственный, с трудом выбранный, выстраданный подарок, зная, что он совсем не такой красивый, как кашемировая шаль, которую купила маме Венетия.

Забавнее всего, что внешне я была гораздо больше похожа на мать, чем моя сестра. Мы обе были невысокими, с непокорными темными кудрями, чуть раскосыми, широко посаженными серыми глазами и маленьким носом.

¹ Роман Мюриэл Сары Спарк. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

Однако повару-кондитеру положено носить огромные передники и сеточки для волос, его руки покрыты шрамами, а одежда пахнет глазурью и черникой, которой он начиняет пирог. Мама же всегда тщательно следила за своей одеждой: в юности у нее было не много денег... Несмотря на то что я всегда пыталась привести себя в порядок, возвращаясь домой из школы, и потом, когда приходила на обед по воскресеньям, мать обязательно замечала след от муки у меня на спине или распоротый шов на рукаве и хмурилась из-за моей неаккуратности.

Однако сумка «Hermès» оказалась редким исключением. Когда мы отправились ее покупать, Венетия по дороге уснула в коляске, поэтому именно я помогала маме раскладывать на столе сумки серого цвета (что практичнее светло-бежевого) с многочисленными отделениями, которые позволяли содержать вещи в порядке. Вскоре после этого Венетия начала ходить, говорить и проказничать, и к тому времени, когда мне исполнилось десять, а ей шесть, она безо всяких усилий завоевала любовь нашей мамы. А мать, которая всегда была так нетерпелива со мной и, казалось, вынуждена была тратить море энергии, пытаясь заставить меня расправить плечи и прекратить ныть, с готовностью распахнула объятия младшей дочери, делавшей все быстро, уверенно, без сомнений. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, а затем — чтобы принять этот факт, и еще чуть-чуть, чтобы перестать соперничать со своей умной сестрой, когда та поступила в колледж, чтобы стать архитектором, а затем открыла собственную маленькую фирму к северу от Риджент-парка. А когда Джас, родившийся невероятно решительным, со стетоскопом в руках, оказался самым молодым хирургом в Лондоне и его окрестностях, я окончательно перестала конкурировать с братом и сестрой и решила довольствоваться скромной жизнью человека, который работает в маленькой кондитерской в Кенсингтоне. *Перед ней был*

открыт весь мир, а что она выбрала? Профессию кондитера!

Я не раз слышала, как мама говорила об этом отцу, и в конце концов перестала приносить на обед по воскресеньям пироги, пирожные и хлеб, решив, что все это будет только лишним напоминанием о моей заурядной профессии, совершенно не соответствовавшей ожиданиям матери.

Я немного замешкалась, прежде чем взять в руки сумку «Hermès». После мама покупала и другие сумки, но всегда возвращалась к этой. *Она напоминает мне о том, откуда я родом*, — однажды сказала мать, и всякий раз, видя ее у нее в руках, я чувствовала приступ счастья, неразрывно связанный с тем единственным днем, когда я участвовала в покупке. Почему-то мне не хотелось, чтобы Венеция забрала эту сумку себе. Нужно будет попросить ее...

Внезапно раздавшиеся шаги и громкий недовольный вздох возвестили о неизбежном появлении Венеции. Именно в этот миг, за долю секунды до того, как дверь в кабинет открылась, я по какой-то неясной мне самой причине решила спрятать мамину сумочку.

— Адель!

Венеция смотрела на меня сквозь темные очки в роговой оправе. Ее волосы были собраны в хвост на затылке, и вся она, за исключением идеально круглого живота, выглядевшего так, словно моя сестра спрятала под дорожное платье большой бейсбольный мяч, была очень стройной. Ее глаза ввалились, и я испытала чувство вины за то, что оставила ее одну. Задвинув сумку «Hermès» за спину, я неуклюже потянулась за своей собственной сумкой фирмы «Whistles» и повесила ее на руку.

— Извини, Ви, я не знаю... мне было так... — Увидев, что губы сестры нетерпеливо изогнулись, я одернула себя и перестала оправдываться. — Как папа?

— Ему не помешала бы сегодня твоя поддержка, а мне — твоя помощь. Не говоря уже о пирожных, за

которые я заплатила целое состояние, — огрызнулась Венетия.

— Ви, прости... — Я протянула руку, чтобы коснуться ее плеча, но сестра увернулась и, нахмурившись, огляделась по сторонам.

— Мне хочется дождаться, когда все уляжется. Что ты здесь делаешь? Я думала, что мы решили какое-то время ничего тут не трогать...

Я уже собиралась кивнуть, но вдруг произнесла:

— Может быть, нам стоит выбросить некоторые мамины вещи? Может быть, отцу незачем вспоминать о ней на каждом шагу?

Венетия нахмурилась.

— Эдди, я уже говорила тебе, что мы к этому еще не готовы. И ты прекрасно знаешь, что в первую очередь это касается отца.

Откуда ей знать, кто готов, а кто нет, ведь она забегает в этот дом на секундочку, чтобы поделиться сомнительной мудростью Хэмиша Макгри и еще более сомнительным супом, приготовленным на курином бульоне?

— Ладно, идем попробуем твои рулеты, — произнесла Венетия и, когда я отвела взгляд, пошла вперед. Единственная женщина, которая в третьем триместре беременности продолжала ходить на трехдюймовых шпильках.

Я замерла в нерешительности, уже жалея о своем импульсивном решении взять, точнее — что уж, будем называть вещи своими именами, — украсть сумочку «Негтè», но положить ее обратно, не привлекая внимания сестры, было уже невозможно. Не то чтобы я не имела прав на эту сумочку, но Венетия иногда вела себя странно... Она обернулась и вздрогнула, но сказала лишь:

— Мне показалось или действительно звонил телефон?

— Да, звонил. Знаешь, это был... — начала я, но замолчала, потому что... И в самом деле, кто это был?

Слова благодарности

Говорят, что нужна целая деревня, чтобы вырастить одного ребенка. Нужно по меньшей мере столько же людей, чтобы книга вышла в свет, и я бесконечно благодарна за невероятную поддержку, которую получила в процессе написания этого романа.

В первую очередь хочу поблагодарить своего редактора, Мэрион Дональдсон, за то, что она всегда готова была ответить на мой звонок, за множество мудрых слов — и за то, что помогла моей мечте осуществиться; чудесную команду издательства «Хедлайн» — за то, что приняли меня в свою семью; моего потрясающего агента, Кэролайн Хандман, — за оказанную мне поддержку.

Также огромное спасибо Дженни, которая помогла этой истории выжить, и Франсес — за то, что не позволила мне сдаться. Марезе — за креативное вдохновение, и Ребекке с Ханной — за восхитительные обеды и множество добрых слов.

Самая искренняя благодарность моей семье. Родителям — за то, что с самого начала верили в меня, и за то, что были моими первыми и очень доброжелательными читателями. Моей родне со стороны мужа — за слова ободрения, доносившиеся с другого конца земного шара. Моим потрясающим мальчикам, которые задолго до того, как эта книга обрела окончательную форму, представляли меня: «Это моя мама, писательница» и которые постоянно давали мне повод ими гордиться. И, наконец, спасибо моему мужу Полу, без которого все это было бы просто невозможно. Ему я и посвящаю эту книгу — с огромной любовью.

Об авторе

Никола Скотт родилась в Германии. Она изучала английскую и американскую литературу, а затем переехала за границу. Никола работала редактором литературной рубрики в Нью-Йорке и Лондоне и более десяти лет жизни посвятила работе в издательском бизнесе. Сейчас она живет во Франкфурте вместе с мужем и двумя сыновьями. Роман «Секрет моей матери» — ее первая книга.

Літературно-художнє видання

СКОТТ Нікола
Секрет моєї матері

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 01.08.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 23,52. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

СКОТТ Никола
Секрет моей матери

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 01.08.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду
Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков
тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев
тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса
тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Єдине прекрасне літо здатне назавжди змінити долю жінки...

Едді, дочка Елізабет, через багато років дізнається про те, що має сестру-близнючку. Фібі несподівано з'являється в її домі та без попередження вдирається до її життя. Що приховувала їхня мати? Чому сестер розділили? Розпачливі записи Елізабет розповідають про чудове літо в Сассексі та події, що мали трагічні наслідки, про які тепер судилося дізнатися її дітям.

Скотт Н.

C44 Секрет моей матери : роман / Никола Скотт ; пер. с англ. Е. Бучиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 448 с.

ISBN 978-617-12-3878-7

ISBN 978-1-4722-4297-6 (англ.)

Одно прекрасное лето способно навсегда изменить судьбу женщины...

Эдди, дочь Элизабет, спустя годы узнает о том, что у нее есть сестра-близнец. Фиби неожиданно появляется в ее доме и без предупреждения врывается в ее жизнь. Что скрывала их мать? Почему сестер разделили? Душераздирающие записи Элизабет рассказывают про чудесное лето в Сассексе и события, имевшие трагические последствия, о которых теперь суждено узнать ее детям.

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)**